

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.31>

Лаппо Марина Александровна

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В. Я. ПРОППА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье реализуется авторская концепция вербальной самоидентификации как дискурсивного конструирования идентичности. Автобиографические тексты одного автора рассматриваются как единый самоидентификационный дискурс, общее пространство самоидентификации. На материале автобиографических текстов известного филолога В. Я. Проппа анализируется динамика национально-культурного самосознания автора. Самоидентификационный дискурс В. Я. Проппа структурируется прямыми и косвенными реализациями "самоидентификационной формулы", описанием сверхсильных эмоций, сверхположительной оценкой, нанизыванием лексем определенных тематических групп, антитезой. Конфликт идентичности автора, отраженный в повести "Древо жизни", разрешается в дневниковых записях "Дневник старости".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-2/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 2. С. 359-363. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Википедия** [Электронный ресурс]: свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 10.05.2018).
4. **Галичкина Е. Н.** Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2012. 40 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005048160#?page=1> (дата обращения: 08.05.2018).
5. **Качанова А. А.** Специфика коммуникативного поведения и самопрезентации пользователей российского Живого Журнала // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. Изд-е 2-е, стереотип. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. С. 178-188.
6. **Колокольцева Т. Н.** Диалог vs диалогичность в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. Изд-е 2-е, стереотип. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. С. 139-157.
7. **Лутовинова О. В.** Языковая личность в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. Изд-е 2-е, стереотип. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. С. 124-138.
8. **Cambridge Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.05.2018).
9. **Crystal D.** Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 272 p.
10. **Dictionary.com** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionary.com/> (дата обращения: 10.05.2018).
11. **Herring S. C.** Language and the Internet [Электронный ресурс] // The concise encyclopedia of communication / ed. by W. Donsbach. Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 2014. URL: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/concise.pdf> (дата обращения: 03.05.2018).
12. **Jenkins H.** Fans, bloggers, and gamers: exploring participatory culture. N. Y. – L.: New York University Press, 2006. 274 p.
13. **Jenkins H., Ford S., Green J.** Spreadable Media: Creating Value and Meaning in a Networked Culture. N. Y. – L.: New York University Press, 2013. 253 p.
14. **LiveJournal** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livejournal.com/> (дата обращения: 13.06.2015).
15. **The Free Dictionary by Farlex** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 10.05.2018).
16. **Thesaurus.com** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesaurus.com/> (дата обращения: 10.05.2018).
17. **Tumblr** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tumblr.com/> (дата обращения: 04.06.2015).

TYPOLOGY OF POSTS IN ENGLISH-LANGUAGE INTERNET COMMUNICATION OF BLOGGERS

Kukovskaya Anna Vladimirovna
 Moscow State Linguistic University
 loiso13@mail.ru

The article deals with the issues related to English-language Internet discourse and its manifestation in the form of entries in blogosphere. The main issues covered in the paper are related to blog posts and their typology. The study also touches on the synergetic relationship of these posts with the works of mass culture in the context of bloggers' linguo-creative activity. The author draws a conclusion that it is possible to single out four main types of blog posts, they are the product of bloggers' linguo-creative activity within Internet communication and influence the works of mass culture.

Key words and phrases: blog; post; interpretation; Internet discourse; intertextuality; linguistic creativity.

УДК 81.42

Дата поступления рукописи: 28.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.31>

В статье реализуется авторская концепция вербальной самоидентификации как дискурсивного конструирования идентичности. Автобиографические тексты одного автора рассматриваются как единый самоидентификационный дискурс, общее пространство самоидентификации. На материале автобиографических текстов известного филолога В. Я. Проппа анализируется динамика национально-культурного самосознания автора. Самоидентификационный дискурс В. Я. Проппа структурируется прямыми и косвенными реализациями «самоидентификационной формулы», описанием сверхсильных эмоций, сверхположительной оценкой, нанизыванием лексем определенных тематических групп, антитезой. Конфликт идентичности автора, отраженный в повести «Древо жизни», разрешается в дневниковых записях «Дневник старости».

Ключевые слова и фразы: В. Я. Пропп; самоидентификация; самоидентификационный дискурс; конструирование идентичности; автобиографический дискурс; национально-культурная самоидентификация.

Лаппо Марина Александровна, к. филол. н., доцент
 Новосибирский государственный педагогический университет
 marine.lappo@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В. Я. ПРОППА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Вопрос об идентичности человека (кто и что есть человек? каково его предназначение?), возникший в недрах философии, постепенно проник в различные гуманитарные сферы. Исследование самоидентификации как вербального выражения и описания идентичности определяется антропоцентрическим поворотом в лингвистике, который базируется на междисциплинарных связях в современной науке, а именно на пересечении

философии, психологии, истории, политологии, антропологии, культурологии, социологии, литературоведения и лингвистики. Антропоцентрический подход и синтез наук включает самоидентификацию в сферу лингвистического анализа, который, в свою очередь, обогащает и углубляет изучение идентичности как актуального для современной науки объекта исследования. Социологи, психологи, философы заявляют о кризисе, текучем характере идентичности, колоссальных ресурсах СМИ управлять как групповыми, так и индивидуальными идентичностями и т.д. [10; 17]. При этом у представителей гуманитарных наук отсутствует механизм лингвистической интерпретации как в силу недостаточной изученности последней, так и в силу ряда теоретических ограничений, например, в психологии (где считается, что либо идентичность принципиально не может быть описана в речи, либо такое описание является самопрезентацией). Представление современной философии о том, что язык фиксирует и процесс, и результат посредством одних и тех же знаков [16], разрешает перейти к исследованию идентичности как в рамках эссенциалистского, так и в рамках конструкционистского подходов. Первый дает возможность оценить накопленные ресурсы языка в области маркирования самых разнообразных категорий людей, второй разрешает говорить о том, что в речевой деятельности непрерывно осуществляются процессы идентификации и самоидентификации.

Лингвистический аспект изучения идентичности связан как с самой возможностью ее вербализации в речи, так и с языковыми ресурсами, обеспечивающими данный процесс. Так, Л. В. Енина и Э. В. Чепкина, критикуя «жесткую», эссенциалистскую, концепцию идентичности, считают, что говорящий субъект, не имея устойчивой идентичности, не может репрезентировать в речи «свойственную» ему идентичность, хотя она и возникает в ходе любого дискурса [6, с. 160]. Л. В. Енина описывает механизмы и типы дискурсивной идентификации, такие как признаковая (присваивание или отрицание значимого признака), нарративная (представление истории, повествование), структурная (определение «точки зрения» говорящего) [5]. Ср. с моделями идентификации, описанными О. С. Иссерс: сближение по свойствам, стереотипизация, навешивание ярлыков [7, с. 46].

Разделяя идею дискурсивного утверждения идентичности, в данной работе будем исходить из следующих установок. Во-первых, идентичность – переживание принадлежности или, наоборот, непринадлежности к какой-либо группе или категории людей, нуждающееся в таком подтверждении, поскольку идентичность носит неустойчивый характер. В связи с чем вербальная самоидентификация – это конструирование, то есть и обозначение, и утверждение, и поиск идентичности в дискурсе.

Вслед за принятой в лингвистике идеей выражения и описания эмоций, выделяем следующие способы вербальной самоидентификации: выражение и описание идентичности [12]. Самоидентификация как выражение идентичности на вербальном уровне – это использование в речи единиц языка, свойственных данной группе людей (например, жаргонизмов). Данная идея ранее была апробирована в работах по речевому портретированию, лингвоперсонологии (см., например, работы И. В. Арнольд [1], В. И. Карасика [8], Л. П. Крысина [11]). Самоидентификация как описание идентичности – это использование высказывания, в котором реализуется «самоидентификационная формула» *Я есть X*. Термин «самоидентификационная формула» является производным от термина И. В. Шалиной «идентификационная формула» [21]. Идея самоидентификации как прямого описания идентичности используется, например, в работах, Т. А. Гридиной и Н. И. Коноваловой [3], Т. А. Демешкиной [4], Б. Ю. Нормана и А. М. Плотниковой [15].

Во-вторых, в самоидентификационном дискурсе, помимо реализации варианта «самоидентификационной формулы», важными маркерами вербальной самоидентификации являются: 1) эмотивно-оценочная лексика; 2) тематические цепочки, или ряды лексем сходной семантики, связанной с принадлежностью к той или иной социальной группе людей; 3) любые другие выразительные средства (тропы и фигуры речи, прагматически маркированные грамматические формы). Поясним эти признаки. Эмотивно-оценочный дискурс, как правило, сигнализирует об актуализации ценностных установок говорящего, эксплицирует категорию «свое – чужое» (см. работы Т. А. Трипольской [19]). Тематические цепочки, в рамках когнитивного-дискурсивного подхода, отражают определенную ситуацию, фрейм, заостряя внимание адресата на той или иной актуализирующейся идентичности говорящего. Ср. теорию регулятивности, развиваемую в работах Е. В. Сидорова [18], Н. С. Болотновой [2] и др. И, наконец, выразительные средства также оказываются важным когнитивным сигналом для определения семантики идентичности. Так, Ю. Н. Караулов, комментируя фрагмент романа Р. Киреева «Победитель», пишет: в предложении «*Виноградов – твой коллега, твой молочный брат: последний аспирант профессора Штакаян*» «предикация *твой коллега* квалифицирована как простая характеристика, а, казалось, равная ей, синонимичная *твой молочный брат* отнесена к **единицам знания**» (выделено нами. – М. Л.) [9, с. 181-182].

Итак, самоидентификационный дискурс – это процесс и практика и выражения и конструирования личностной и социальной идентичности говорящим субъектом, то есть значимого переживания отнесенности себя к какой-либо группе или категории людей. Идентичность нуждается в непрерывной проверке и утверждении, связана с эмоциями и ценностями говорящего, поэтому дискурс структурируется самоидентификационными формулами, эмотивно-оценочной лексикой, определенными тематическими цепочками, выразительными средствами речи. При этом дискурс самоидентификации в большей степени проявляется в автобиографических текстах, поскольку действие самопрезентации в них максимально нейтрализуется. Подробнее о соотношении самопрезентации и самоидентификации см. монографию М. А. Лаппо [13].

Целью данной статьи является анализ вербальных средств самоидентификации в автобиографическом дискурсе конкретного носителя языка. По нашим предположениям, все автобиографические тексты одного автора должны быть связаны друг с другом, образовывать единый самоидентификационный дискурс, общее пространство самоидентификации. В качестве материала была взята книга «Неизвестный В. Я. Пропп» [14], в которую, в частности, вошли автобиографическая повесть «Древо жизни» и личный дневник «Дневник

старости. 1962-196...». Выбор материала исследования обусловлен как тем, что данные тексты В. Я. Проппа не были объектом лингвистического анализа, так и тем, что они позволяют проследить репрезентацию образа автора в динамическом аспекте. Проанализируем линию национально-культурной идентичности, связывающую оба текста.

Как указывает А. Н. Мартынова, автобиографическую повесть В. Я. Пропп начал писать в 1932 году, дата ее завершения остается неизвестной. В повести описывается детство и ранняя юность мальчика Феде в период с 1901 г. по 1916 г., его семья, становление личности, первая любовь. У исследователей архива Проппа есть основания (оглавление рукописи и др. факты) считать, что часть рукописи о более взрослых годах Феде была уничтожена [Там же, с. 3]. В повести национально-культурная компонента проявляется через семейную принадлежность главного героя, мальчика Феде.

На значимость семейной самоидентификации указывает лексема *древо* в заголовке автобиографической повести: употребление традиционно-поэтического слова задает специфический лирический настрой всему тексту, оно, отсылая к устойчивому обороту *родословное древо/дерево*, утверждает важность семейных ценностей для автора. Несмотря на это, повесть показывает негативное отношение героя к своему немецкому происхождению. Конфликт национально-семейной идентичности маркирует описание немногочисленных и непродолжительных контактов с матерью, причем образ матери дается далеко не самый привлекательный (*красная от кухонного жару, повязанная платком и с поднятыми по локоть рукавами*).

Образ отца Феде также непосредственно отсылает к немецкому происхождению главного героя: он демонстрирует свою идентичность актами прямой самоидентификации (*я из колонистов, из саратовских немцев*), но делает это в модальности долженствования (*ни один человек не должен забывать свою родину*). Указанная модальность передает некоторые негативные коннотации, поскольку выбор определяется необходимостью, а не желанием самого человека. По ходу повествования (при описании начала Первой мировой войны) негативное отношение к отцу лишь усугубится в связи с немецкой принадлежностью и политическим выбором последнего.

Негативизм по отношению к немецкому передается и за счет скрытого вкрапления чужой речи – одного из способов передачи чужой точки зрения (о категории «точка зрения» см. работу Б. А. Успенского [20]):

«Бедный мальчик! Он с мамой говорит по-немецки, а с другими – по-русски и иногда путает языки. Да, несчастный... Может ли быть скучнее судьба, чем родиться немцем, евреем или поляком в великодержавной России?» [14, с. 26].

Полифонизм точек зрения, использование чужой точки зрения вносит вклад в создание художественности повести через становление личности ребенка. Очевидно, что слова *«Бедный мальчик!»*, *«Да, несчастный...»* принадлежат кому-то другому – взрослому человеку, а не мальчику Феде.

Неприятие себя как немца усиливается принадлежностью к традиционному для немцев лютеранству. Феде сравнивает и противопоставляет лютеранскую и русскую православную церкви:

«Это был Крестный ход. Все это Феде, в сущности, видел первый раз. Разве это могло сравниться с унылой лютеранской службой, где гнусаво в унисон поют какие-то стихи, потом пастор читает проповедь, потом опять поют стихи и потом расходятся? А здесь – здесь воскресенье. Воскресение из мертвых. Это значит: воскресение всего человека. Все, что было, – это грех и небытие. А то, что теперь, – это любовь и бытие. Феде готов был заплакать от счастья» [Там же, с. 137].

В данном фрагменте православная церковь и служба противопоставлены лютеранской: ряды лексем, представляющие идею православной религии, актуализируют смыслы ‘живой, активный, настоящий, с глубоким религиозным значением’, а ряды лексем, представляющие идею лютеранства, – ‘неживой, поверженный, унылый, плановый’.

В повести намечается развитие *культурной (или русской) линии* в дискурсе самоидентификации юноши Феде, которая связана с общением с другом Глебом. С ним устанавливаются очень близкие, дружеские отношения, и разговоры с которым, равно как и общение с его матерью, делают существенный сдвиг в национальной самоидентификации. Ниже представлен фрагмент повести, где Глеб отождествляется русскому, всей русской культуре и Пушкину, а Феде – немецкому, Гёте:

«Глеб порылся на полке и достал Пушкина.

– Ты любишь Пушкина? “Медный всадник” – моя любимая вещь.

<...> С первых же слов Феде почувствовал всю мощь этой поэмы с такой силой, что по коже прошел мороз. Как он не мог этого понимать раньше? Вся глубина этой вещи, конечно, еще не могла быть понята им. Но он понимал только одно: что это – русское, прямо противоположное ему и всему, что он переживал. То новое, что он видел в этом доме, в Глебе, в том, что он показывал и как показывал – здесь оно находило свое возведение в какой-то <опалюющий> пламень. Как это было не похоже на “Гимны к ночи”. Там – сумерки смерти, серые крылья, уносящие из жизни. Здесь – чеканность и форма, сверканье звуков и ритм, заставляющий жить, и еще что-то в самих образах, что было выше него, тонкое и во всей нездешности такое здешнее и волнующее. Глеб кончил, заложил книгу лентой и тихо закрыл ее. Потрясенный, Феде сидел в кресле и не мог сказать ничего.

– Мне никогда не дойти до этого. Не до стихов, а до того, что за этими стихами. Это не мое. Это выше меня.

– Милый, тебе и не надо доходить. У тебя есть другое.

– Фауст? Да. Фауст – это мое, от меня» [Там же, с. 94].

В данном фрагменте *русское – Пушкин – «Медный всадник»* эксплицитно противопоставлены *немецкому – Гёте – «Гимнам ночи», «Фаусту»* (*то – русское, прямо противоположное ему и всему, что он переживал*).

Метафорические описания немецкого и русского вступают в оппозицию: [немецкое] *там* – *сумерки смерти, серые крылья, уносящие из жизни* и [русское] *здесь* – *чеканность и форма, сверканье звуков и ритм, заставляющий жить*. Обращает на себя внимание тот факт, что немецкое приравнивается к «там» (то есть где-то далеко), а русское – к «здесь» (то есть близко, сейчас, где находится Глеб). Федя испытывает сильные эмоции, знаками которых являются описание физиологических реакций (*с такой силой, что по коже прошел мороз*) и указание на эмоциональное состояние (*волнующее*). Эти эмоциональные переживания, а также слова Федей о том, что ему «никогда не дойти до этого... не до стихов, а до того, что за этими стихами», это не его, «это выше» него, указывают на то, что появился сильный интерес и стремление к русскому.

Если любовь к русскому в повести лишь намечается, то в «Дневнике старости» эта тема будет развернута предельно широко. Одна из самых первых записей дневника отсылает к повести «Древо жизни»:

«22.III.1918 года был для меня одним из лучших в моей жизни. Была Пасха. Самая ранняя, какая может быть. Я смотрел на огни Исаакия с 7-го этажа лазарета в Новой Деревне. Тогда я любил Ксению Н. Она ходила за ранеными. Было воскресенье в природе, и моя душа воскресла от признания только своего “я”. Где другой – там любовь. И она была другая, совсем другая, чем я. Я сквозь войну и любовь стал русским. Понял Россию» [Там же, с. 289].

В данном фрагменте используется «самоидентификационная формула» *стал русским*, а также дается пояснение, что именно вкладывается в эти слова («понял Россию»). В дневнике В. Я. Проппа отмечаются многочисленные записи, в которых он восхищается русским пейзажами, церковным зодчеством, православной иконописью. Самоидентификационный дискурс «русскости» Проппа структурируется эмоционально-оценочными высказываниями (*мир представляется мне озаренным; пью это искусство и упиваюсь; так волнует, так трогает нутро, делает счастливым; иконопись согревает душу; читаю с наслаждением, как читают беллетристику; я просто потрясен*), тематическими цепочками (*красота пейзажа совершенно русская, с холмами, березой, рекой и песнями*), косвенным метафорическим отождествлением с русским (*и еще нанесли подарков – книг по иконописи. Как они понимают, чем я живу; [иконапись] это – самое современное, самое актуальное мое искусство; так люблю, как будто это мое родное*). Автор дает сверхпозитивные оценки древнерусскому искусству (*это высшее искусство мира*) и противопоставляет его европейским готическим храмам (*Какое великолепие! Но нутро мое молчит, восхищается только глаз; оставляет холодным*).

Автор дневника также отождествляет себя с творчеством русского поэта А. С. Пушкина, указывая на постепенное, медленное проникновение в его творчество:

«Вечером читал Пушкина лирику последних лет. Это мой поэт, интимно мой, особенно в трагических вещах. Я только теперь, в старости, стал понимать его стихи о любви» [Там же, с. 300].

Здесь мы видим косвенные имплицитные описания русской культурной идентичности (*это мой поэт, интимно мой, особенно в трагических вещах*). Данные фрагменты дневника отправляют читателя к повести «Древо жизни», где герой еще не понимает Пушкина, отождествляя себя с Гёте.

Немецкая идентичность В. Я. Проппа проявляется прежде всего в возможности пользоваться немецким языком для фиксации интимных, личных переживаний. Не исключено, что автор делает это из опасения, что дневник кто-либо прочтет: немецкий язык используется как своеобразный шифр.

Немецкая идентичность в контекстах на русском языке проявляется в сверхсильных отождествлениях себя с музыкой немецких композиторов (*Бетховен меня выражает. Я существую по-настоящему; Шуберт. Экспромт фа минор – не забыть на всю жизнь*), которые в нашей классификации вербальных актов самоидентификации относятся к косвенным имплицитным описаниям идентичности. Обращает на себя внимание и тот факт, что и самая последняя дневниковая запись В. Я. Проппа сделана по-немецки.

Подведем итоги. В автобиографической повести «Древо жизни» представлен конфликт идентичности автора (=главного героя): немецкое в себе автор не принимает, при этом немецкое вступает в отношении оппозиции с русским. Автор создает малопривлекательные образы отца и матери, а при сравнении русской православной и лютеранской церковью, Пушкина и Гёте позитивные характеристики получает то, что связано с русским, а не с немецким. В «Дневнике старости» можно увидеть, как В. Я. Пропп преодолевает кризис самоидентификации: немецкое им не только не отвергается, но используется в качестве ресурса в интимных записях «для себя» по-немецки, в качестве шифра; русское в Проппе достраивается, осваивается им в качестве культурной компоненты, через сильнейшее увлечение древнерусской иконописью и зодчеством. Русская культурная идентичность утверждается прямыми и косвенными реализациями «самоидентификационной формулы», неоднократным описанием сильных положительных эмоций, связанным с изучением иконописи и зодчества, их сверхположительной оценкой, нанизыванием лексем тематических групп, маркирующих русское.

Список источников

1. Арнольд И. В. Идентичность петербуржцев // Учёные записки Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2003. Т. IX. Вопросы германской и романской филологии. Вып. 2. С. 3-10.
2. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во Томского университета, 1992. 309 с.
3. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Этноязыковая самоидентификация личности в поликультурном социуме: экспериментальные данные // Языковые процессы в эпоху глобализации: мат-лы междунар. науч. семинара. М.: МПГУ, 2016. С. 46-50.
4. Демешкина Т. А. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3. С. 90-107.
5. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 159-167.

6. Енина Л. В., Чепкина Э. В. Самоидентификация журналиста в прямом эфире на радио // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 3 (78). С. 159-167.
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд-е 5-е. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
8. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
10. Костина А. В. Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 167-175.
11. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90-106.
12. Лаппо М. А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 28-32.
13. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.
14. Неизвестный В. Я. Пропп: научное издание / предисл., сост. А. Н. Мартыновой. СПб.: Алетейя, 2002. 480 с.
15. Норман Б. Ю., Плотникова А. М. Семантика конструкций со значением социальной самоидентификации и самопрезентации в русском языке // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 4. С. 107-120.
16. Павленко Р. Смысл и идентичность, или Путь к себе / пер. с лит. Р. Чичинскайте. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2013. 242 с.
17. Покасова Е. В. Кризис идентичности в эпоху глобализации: утрата самости или обретение свободы? // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». 2013. Т. 11. № 3. С. 43-47.
18. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 138 с.
19. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: монография. Новосибирск: Изд. НГПУ, 1999. 166 с.
20. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.
21. Шалина И. В. Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен: автореф. дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2010. 44 с.

V. YA. PROPP'S NATIONAL AND CULTURAL SELF-IDENTIFICATION IN AUTOBIOGRAPHICAL DISCOURSE

Lappo Marina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Novosibirsk State Pedagogical University
marine.lappo@yandex.ru

The author's conception of verbal self-identification as discursive identity construction is realized in the article. Autobiographical texts of one author are considered as single self-identification discourse, common space for self-identification. By the material of the autobiographical texts of the well-known philologist V. Ya. Propp, the dynamics of the author's national and cultural self-identification is analyzed. V. Ya. Propp's self-identification discourse is structured by the direct and indirect implementations of "self-identification formula", the description of super-strong emotions, superpositive evaluation, stringing lexemes of certain thematic groups, antithesis. The conflict of the author's identity, represented in the story "The Tree of Life", is resolved in the diary entries "Diary of Old Age".

Key words and phrases: V. Ya. Propp; self-identification; self-identification discourse; identity construction; autobiographical discourse; national and cultural self-identification.

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 10.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.32>

Статья посвящена рассмотрению метафорической репрезентации базовых концептов в текстах кинофильмов Э. Рязанова. Исследуемые концепты, структурируемые метафорами персонификации, включаются в метафорические парадигмы «абстрактное понятие / человек», «объекты, созданные человеческим трудом / человек» и анализируются в рамках теории концептуальной метафоры, так как метафорический перенос служит эффективным средством вербализации как абстрактных сущностей, так и конкретных объектов. В данной работе раскрыта специфика функционирования метафоры в кинотексте, показана взаимосвязь между формированием данных метафор в киноязыке и окружающей действительностью, социально-историческим и культурным фоном определённого периода посредством выявления и описания выделяемых метафорических моделей.

Ключевые слова и фразы: концепт; метафора; метафорическая парадигма; миниметафора; персонификация; кинотекст.

Ли Янь

Санкт-Петербургский государственный университет
feizaidemati@yandex.ru

МЕТАФОРА ПЕРСОНИФИКАЦИИ КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В КИНОТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМОВ Э. РЯЗАНОВА)

«Тайна метафоры» представляет значительный интерес не только для учёных-лингвистов, но и для самих её творцов – писателей, поэтов, художников, кинематографистов [1, с. 5]. Долгое время метафора рассматривалась